

От Бэрваша до Баттла: Тропой Киплинга по Волшебным Холмам

Была у меня одна авантюрная мысль: прежде чем начать переводить книгу о Паке с Волшебных Холмов, побывать в тех краях, которые описывает Киплинг. Это окрестности деревушки Бэрваш в графстве Сассекс. Там сейчас дом-музей, и хотя времена изменились, но места по-прежнему захолустные, глухие, и кто знает: вдруг и мне повезет встретиться с этим старым английским лешим, шутником и проказником Паком? Почему бы и нет! Разве мы не сроднились с ним, хотя бы отчасти, еще пятнадцать лет назад, когда я перевел балладу про Робина Весельчака — а это и есть одно из прозвищ Пака. В стихах он говорит от первого лица, похваляясь своей ловкостью и важным положением в волшебном мире духов:

Князь Оберон — хозяин мой,
Страны чудес верховный маг.
В дозор ночной, в полет шальной
Я послан, Робин Весельчак.
Ну, кутерьму
Я подыму!
Потеха выйдет неплоха!
Куда хочу,
Туда лечу,
И хохочу я: — Ха-ха-ха!

Книга Киплинга начинается с того, что Дан и Уна дают спектакль по шекспировской пьесе «Сон в летнюю ночь», причем Дан играет Пака. И настоящий Пак

не выдерживает, является к ним, чтобы показать, как надо исполнять его роль. Может быть, если я продекламирую балладу о Робине там же, у склона Волшебного холма, он снова вылезет, чтобы меня поправить? Как знать! Один полководец говорил: сперва вяжемся в бой, а там посмотрим.

Конечно, я все заранее изучил по карте: где какие холмы и горы, в какой стороне море и древний замок Пэвенси и как далеко от Бэрваша до поля битвы при Гастингсе, откуда нормандский воин сэр Ричард с саксонцем Хью вместе добирались до его поместья, причем раненый Хью шел пешком, а сэр Ричард ехал верхом. Они шли полдня через холмы и долины, днем и в лесной темноте и лишь к полуночи добрались до цели. Приложив линейку к карте и учтя масштаб, я определил, что это не больше пятнадцати миль, следовательно, если я буду проходить в час, скажем, по три мили, то я могу одолеть это расстояние за пять часов. Мне казалось, что я обязан оттопать собственными ногами путь Ричарда и Хью, — лишь тогда мне по-настоящему откроется дух этой книги, дух славной истории Англии.

Итак, я наметил себе — после кипплинговского музея, как бы на закуску — пешеходную прогулочку до Баттла. Это имя, собственно, и означает «битва»; ведь нормандские войска под предводительством герцога Вильгельма только высадились с кораблей при Гастингсе, а само сражение с Гарольдом Смелым и его саксонским войском произошло намного севернее, где сейчас город Баттл и древнее Баттлское аббатство.

Кстати, о названии самого дома Киплинга. Он зовется Бейтманз-Хаус, что, вероятно, происходит от древнеанглийского слова «батман» — моряк. Так и будем его величать: Батман, или Дом Моряка.

Я поделился своими планами с Хилари и Полом — друзьями, у которых я гостил в Лондоне. Дескать, субботу и воскресенье собираюсь посвятить паломничеству по киплингговским местам. И примерно описал свой будущий маршрут.

— К чему так сложно — метро, вокзал, поезд, автобус? — сказал Пол. — В субботу я еду с друзьями по цветочки в Западный Сассекс. Выедем пораньше, заброшу тебя по дороге в Бэрваш.

Тут мне хочется объяснить, что значит для Пола поехать «по цветочки». Если вы думаете, что речь идет о каких-нибудь букетах, венках из одуванчиков и прочих сентиментальных вещах, то это, конечно, вздор! Пол — любитель-ботаник, его цель — найти редкое растение. Не сорвать, упаси боже, а просто увидеть, может быть, сфотографировать, записать в блокнот. Вот уж кто неутомимый ходок! Чем дальше приходится идти «по цветочки», тем ценнее. Лучше всего по горам. Поэтому в отпуск Пол уезжает туда, где местность подичее и покруче, — в Уэльс, в Анды, в Гималаи. С фотокамерой и определителем растений.

«Я дружкой был, как выстрелом, разбужен», — сказал кто-то из поэтов. Вот именно что как выстрелом. Это при моей-то привычке поспать подольше! Еще и жаворонки не пели (а поют ли они вообще в Ричмонде — вот вопрос), как мне пришлось вскакивать на ноги и, наскоро проглотив чашку кофе, залезать в машину. И мы помчались!

Ехать с Полом — это запоминается на всю жизнь. Дело в том, что мой друг Пол — человек совсем особенный: он все делает в два раза быстрее, чем другие люди. Одевается ли он, готовит завтрак, звонит по телефону, читает карту или газету, ходит, умывается, ремонтирует калитку — все у него происходит в другом темпе,

чем у простых смертных. Кажется, что и часы у него на руке тикают в два раза быстрее. Однако, пока дело касается таких простых вещей, это ничего и даже мило. Но вот вы садитесь с ним в машину и вдруг осознаете, что и машину он водит в два раза быстрее, чем другие люди! А это уже не шутка.

Один наш общий друг после совместной экскурсии с Полом (в течение которой он как-то судорожно острил на заднем сиденье, крест-накрест пристегнувшись ремнями безопасности) признался мне потом по секрету, что всю дорогу вспоминал, какие он дела успел доделать, а какие так и останутся навек недоделанными...

А я думал совсем о другом. В то раннее утро, пока мы с Полом летели по узким английским проселкам, я перенесся мыслями на сто лет назад, в октябрь 1899 года, когда мистер Хармсворт, основатель газеты «Дейли мейл» и друг Киплинга, впервые подкатил к его дверям на одном из первых в Англии авто. В ту пору семейство Киплингов было озабочено подыскиванием дома в деревне, чтобы поселиться там всерьез и надолго. Автомобиль показался им идеальным средством поисков.

Это была двадцатиминутная прогулка. Вернулись мы белые от дорожной пыли, оглушенные шумом двигателя. Но с того часа отравы начала действовать. Вскоре с помощью какого-то брайтонского агентства мы наняли одноцилиндровый, ременно-приводной, с каретными рессорами и откидным верхом «эмбрио», который мог развивать скорость до восьми миль в час. Это стоило (включая оплату водителя) три с половиной гинеи в неделю. Наша дорогая тетушка, не боявшаяся ничего на свете, воскликнула: «А как же я!» Так что в наши поисковые экспедиции мы стали ездить троєм... Вместе с горсткой других отчаянных перво-

проходцев нам пришлось принять на себя первый взрыв общественного негодования. Графы, привставая в своих изящных ландо, бросали нам вслед ужасные проклятия. Цыгане, дамы в двуколках, пивовары на тяжелых фургонах — казалось, весь мир (за исключением несчастных терпеливых лошадей) громогласно возглашал нам анафему...

Спустя некоторое время я купил машину с паровым двигателем, называвшуюся «локомотив»... Она довела нас до грани полного изнеможения и истерии... Именно на этом злосчастном «локомотиве» мы и подъехали впервые к Дому Моряка.

Р. Киплинг. Кое-что о себе. 1936

Когда мы подъехали к Бейтманз-Хаус на своем себистом пикапе, было еще довольно рано. Абориген в резиновых сапогах и с палкой в руке объяснил нам, что музей откроется в десять. За идеально подстриженной зеленой изгородью виднелся огромный дом постройки шестнадцатого века. Напротив, через дорогу, рос высоченный дуб, ровесник дома, а рядом на зеленом выгоне паслись два симпатичных белых ослика. Это были «киплинговские» ослики; они не возили телег, а просто жили здесь по традиции, как живые экспонаты. Мы не замедлили сфотографироваться вместе с ними.

Наши четвероногие спутницы Полли и ее дочка Нелл, выскочив из машины, с ликованием носились вокруг. Их древняя кровь — они принадлежали к редкой спаниельской породе с чудным названием «кавалеры короля Карла» — почуяла родную обстановку: тут пахло веком Якова Стюарта и Карла Первого.

Мы подошли к мостику и заглянули вниз — густая зелень деревьев скрывала ручей. Тот самый, по которому плавали Дан и Уна!.. И я вновь обернулся, чтобы полюбоваться Домом.

С первого момента, едва Киплинг со своей абордажной командой увидели этот дом, решение было принято. «Это он! Он! Единственный и неповторимый!» — шепнула им Судьба.

Мы вошли и сразу почувствовали, что его дух — фэн-шуй — благоприятен. Мы прошлись по всем комнатам и нигде не обнаружили ни тени застарелой тоски или притаившихся бед, никакое зло не витало над этим домом, хотя его «новой» части было уже триста лет.

К сожалению, хозяин дома сказал им, что он только накануне сдал усадьбу на двенадцать месяцев. Они продолжали поиски — или делали вид, что продолжали, — но через год, едва дом освободился, поехали и моментально его купили.

Когда сделка совершилась, продавец сказал: «А теперь позвольте вас спросить. Как вы собираетесь добираться на станцию и обратно? Это около четырех миль, и чтобы взобраться в гору, мне приходилось пристегивать вторую пару лошадей». — «Я рассчитываю вот на это хитроумное изобретение», — отвечал я с сиденья своего «ланчестера». «Да ну, это несерьезно», — хмыкнул хитрец. Лишь годы спустя, когда мы встретились вновь, он признался, что если бы знал то, что я уже тогда предвидел, то запросил бы с меня вдвое дороже. Через три года мы и вспоминать перестали о железнодорожной станции. А через семь лет мой шофер в ответ на сетования какого-то гостя, приехавшего в маломогущей «жестянке», сделал большие глаза: «Холмы? Да нет на Лондонской дороге никаких холмов».

Между прочим, я потом видел последнюю машину Киплинга в его гараже — «роллс-ройс» тридцатых го-

дов, огромный, как броневик. Лауреат Нобелевской премии, он мог себе позволить такую роскошь.

Музей, как и обещали, открылся в десять. К тому времени Пол и его лохматые подруги, попросившись со мной, укатили на встречу с друзьями-ботаниками, а я, осмотрев дом — действительно добрый и совсем не мрачный, несмотря на старинную тяжелую мебель, — поднялся в кабинет директора, чтобы попросить его показать карту усадьбы и ее окрестностей. Если таковая найдется.

Таковая нашлась. Я наспех перечертил к себе в блокнот основные ориентиры: Мельничный ручей, саму Мельницу, Волшебный Холм, Омут Выдры и так далее. Это все реальные места вблизи киплингского дома, перекочевавшие потом на страницы его книг.

О деревушке в один ряд домов, что на холме, мы знали только, что ее жители происходили от контрабандистов и овцекрадов, более или менее остепенившихся за последние три поколения...

Среди местных старожиллов был один, лет семидесяти, браконьер по наследству и по призванию... вскоре он стал нашим важным советчиком и опорой. В поздние свои годы — а дожился он до восьмидесяти пяти лет — старик любил вспоминать прошлое (вроде как я сейчас), и рассказов его хватало бы на много томов. Он говорил о любви, драках, кознях, об анонимных доносах неких «грамотеев» и о мстительных заговорах, осуществленных с восточным коварством. О браконьерстве он знал все... Его саги были украшены картинами Природы, описаниями ночей и рассветов, таинственных возвращений и гениальных алиби, придуманных нами у очага, пока сушится одежда, и о новых вылазках под покровом сумерек. Его жена, привыкнув к нам за десять лет, могла порассказать многое о своем прошлом, включая волшбу, колдовство и приворотные зелья, пользовавшиеся спросом в округе вплоть до ше-

стидесятих годов... Она умерла в возрасте девяноста лет и до конца сохранила такт, манеры и даже, несмотря на свой маленький рост, осанку настоящей герцогини.

Таковы были прототипы сторожа Хобдена и его жены. Что касается замысла всей книги, то он рос постепенно, по мере того, как писатель осознавал, сколько пластов истории, сколько загадок и сюжетов таит в себе земля, на которой он поселился. Началось с пустышков. Однажды рыли колодец и на глубине семи метров нашли курительную трубку времен короля Якова и латунную ложку кромвелевского солдата, а еще ниже — бронзовый нащечник от римской конной узды. Во время очистки пруда вытащили две елизаветинских пивных кружки и — из гущи придонного ила — топор каменного века «лишь с одной щербинкой на по-прежнему грозной полированной кромке».

Вот почему Киплинг ничуть не удивился, когда его кузен Амброуз Пойнтер предложил ему написать повесть о римском владычестве в Англии. «Пусть там будет старый центурион, рассказывающий детям о том, что ему довелось пережить».

«А как его звали?» — немедленно спросил я, любя во всем конкретность. «Парнезий», — ответил кузен, и это имя застряло у меня в голове...

У самого края нашей земли, в маленькой долине, ведущей из ниоткуда в никуда, лежала большая груда заросшего бурьяном шлака — развалины древней кузницы, бывшей в деле, вероятно, со времен финикийцев и римлян вплоть до середины восемнадцатого века. Дрок и папоротник все еще скрывали разбросанные железные чушки, и если снять несколько дюймов обгрызенного кроликами дерна, можно было увидеть прорыжелый, прокаленный насквозь грунт и две узкие колеи от плавильной печи, построенной еще в елизаветинские вре-

мена. Дорога-призрак, которая начиналась тут, в этой мертвой ложбине, и, выбравшись наверх, пересекала наши поля, была известна в округе как «Пушечный волок» и обычно связывалась с памятью о Великой армаде. Казалось, каждый уголок этой земли кишел призраками и тенями. Вскоре нашим детям вздумалось исполнить для нас отрывок из «Сна в летнюю ночь» — прямо под открытым небом. А потом один наш друг подарил им лодку из березовой коры, с осадкой в воде около трех дюймов, и они занялись исследованием ручья. А на ближайшем к нам заливному лугу лежали загадочные Ведьмины кольца.

Видите, как терпеливо перетасовывались карты и как они сами ложились мне в руки? Старые духи нашей Долины вмешивались так или этак во все наши дела. Земля, Вода, Воздух и Люди как будто сговорились (теперь-то я вижу), чтобы дать мне вдесятеро больше материала, чем я мог использовать, если бы даже я писал полную историю Англии — в той мере, в какой она коснулась наших мест.

Обе киплингговские книги о Паке (как раньше его же «Книга джунглей») имели триумфальный успех. Уже при жизни писателя они были переведены на двадцать семь языков! А начиналось все здесь, в этой маленькой долине, у подножия этого холма, на берегах Мельничного ручья, вдоль которого ведет экскурсионная тропинка с калиткой и указателем: «Продолжение осмотра». А вот и Малая Мельница — «самое распрекрасное место» для игр в дождливый день. Она отреставрирована умельцами из окрестных мест — тщательно и совершенно бескорыстно. Картины и схемы на стенах рассказывают о мукомольных колесах и жерновах. Все в порядке, все как должно быть; и только никто больше не огласит чердак кровожадным пиратским кличем и никто не высунется из маленького «Утино окошко» посмотреть, перестало ли моросить на

улице или нет. Есть туристы, приходящие сюда «вразброд и парами», есть лавочка сувениров внизу, неподалеку от входа, есть даже я, невесть каким ветром занесенный сюда гость из России. И только нет девочки Элси и мальчика Джона — тех самых Уны и Дана, встречавшихся здесь с Паком, с Гэлом Чертежником и с Хобденом...

Они были погодки, Элси и Джон, она родилась в 1896 году, а он — в 1897-м. Значит, сколько ему было, когда он погиб во Фландрии, в бою при Лоосе 27 сентября 1915 года? Восемнадцать лет.

Я выхожу и смотрю — сперва на солнце, потом на часы. Уже около двух, пора в путь. С легкой сумкой на плече и с картой в руке я иду сперва по тропе, а потом по асфальтовой узкой дороге через холмы — чем дальше, тем пустыннее кругом.

Сельская глубинка — холмы и леса, и очень редкие следы жилья. Я запыхался скорей, чем думал. Тут вот в чем секрет: когда разворачиваешь карту на столе и на коленях, дорога кажется короткой, как мизинчик, и плоской. А когда начинаешь шагать, она вдруг забирает вверх — да так круто, как нос фрегата, идущего против ветра в шторм! — а потом скатывается вниз — и снова вверх — и снова вниз... В общем, выходит совсем не то, что идти по равнине. И хотя с холмистых вершин открывается захватывающий вид на центральный гористо-лесистый Сассекс (Вильд — старинное название этого края), но через три часа я понял, что все-таки необходимо схитрить.

В конце концов (подумал я), пройдено уже больше половины пути, и, если я сейчас проголосую и доеду до Баттла на попутке, кому какое дело? Можно будет рассказывать, что проделал весь путь пешком, и я имею на это моральное право, потому что, во-первых, уж больно горки крутые, и во-вторых, осталось каких-то миль

шесть — мелочь, которая принципиального значения не имеет.

Приняв такое решение, я стал оглядываться на ходу и делать всякие приветливые знаки обгонявшим меня машинам. Машин шло мало: три-четыре за час, не больше. Очень скоро стало ясно, что занятие это бесперспективное, никто не станет останавливаться на пустынной дороге: идешь себе и иди, раз тебе надо. Логично. Вскоре я отчаялся голосовать — и сразу взбодрился. Я шагал с какими-то новыми силами в душе и в ногах, горлая разные стихи и песни. В том числе и балладу о Паке:

С тех пор как Мерлин-чародей
На свет был ведьмою рожден,
Известен я среди людей
Как весельчак и ветрогон.
Но кончен час
Моих проказ,
И с первым криком петуха
Меня уж нет,
Простыл и след,
Ищите ветра: — Ха-ха-ха!

И тут очередная машина (я сошел на обочину, чтобы пропустить ее) неожиданно остановилась.

— Вас подвезти?

Я не заставил себя упрашивать и, поблагодарив, сел рядом с водителем — весьма пожилым джентльменом с рыжей бородкой и ручьиисто-голубыми глазами. Разговорились, как водится. Я назвал свое имя, а он свое.

— Даллингтон? — с удивлением переспросил я. Так называлось поместье, которое Хью получил от де Акилы.

— Дик Даллингтон, именно так. Я ведь из этих мест.

Оказывается, он запомнил меня еще раньше, у киплингковского дома, куда приезжал навестить внука,

работающего в музее. Мистер Даллингтон и сам проработал в нем много лет, а теперь на пенсии.

Он удивился, узнав, что я из Москвы. Из такого далека! Откуда же вы знаете здешние места? Ах да, карта. И компас. Чудеса!

— А я живу в Баттле, — поведал он. — Битва при Гастингсе, слышали? Там есть экскурсии в Баттлском аббатстве. Показывают место битвы. Вы можете успеть, они закрываются позже.

Через какие-нибудь десять-пятнадцать минут мы были в Баттле, и мой чудный старик подкатил прямо к кассе музея. Я спросил его, не хочет ли он составить мне компанию.

— Да нет... я там бывал — давно... — загадочно ответил он и уехал.

Григорий Кружков

*Пак
с Волшебных холмов*

МЕЧ ВИЛАНДА

ПЕСНЯ ПАКА

Вон, видишь, через дальний луг
Неровный след ведет?
Там пушки волокли на юг —
Встречать испанский флот!

Вон, видишь, жернова стучат
На ближнем бережку?
Лет восемьсот еще назад
Мололи здесь муку.

Вон там, среди густых дубрав,
В лощине под горой
Саксонцы в бой пошли, прорвав
Норманнов тесный строй!

Вон там, за той грядой холмов,
Где ветер и туман,
Альфред с ватагой храбрецов
Громил и гнал датчан.

А там, на склонах, где стада
(И в каждом — рыжий бык),
Там город был, еще когда
И Лондон не возник!

Полуразмытый видишь вал,
За ним — крутой обрыв?
Там Цезарь лагерем стоял,
Из Галлии приплыв.

А видишь, вьется по холмам
Загадочный зигзаг?

То каменного века шрам,
Стоянки древней знак.

Забывтый храм, заросший след
Средь высохших болот,
И дух веков, и прах побед, —
Здесь Англия живет!

Не просто луг, не просто лес,
Не остров, не страна —
Край Мерлина, земля чудес
В наследство нам дана.

Зрителями были три коровы. Ребята разыгрывали перед ними «Сон в летнюю ночь» Шекспира. Конечно, не целиком: всю комедию они бы не смогли запомнить; но отец сильно сократил ее, сделав из большой пьесы маленькую, и дети репетировали с ним и матерью до тех пор, пока не выучили свои роли наизусть.

Они начали с того места, когда ткач Основа выходит из кустов с ослиной головой на плечах и застаёт королеву фей Титанию спящей. Затем они переходили к той сцене, где Основа просит трех маленьких феечек почесать у него в голове да еще принести ему лесного меда, а заканчивали там, где он засыпает в объятиях Титании. Дан играл за Пака, за Основу и за всех трех феечек. Пака он представлял в матерчатой шапочке с пушистыми острыми ушками, а Основу — в ослиной голове из бумажного абажура, оставшегося от Рождества; приходилось играть очень осторожно, чтобы голова не лопнула. Уна — в венке из синего водосбора с волшебной палочкой из наперстянки — исполняла роль Титании.

Театр располагался на лугу, который назывался Длинным Скотом. Узкий Мельничный ручей, доставлявший воду на ближайшую Мельницу, огибал его с одного угла, и как раз напротив излучины лежал Ведмин Круг — большой круглый участок пожухшей травы, который и служил ребятам сценой. Берега ручья, заросшие ольхой, ивой и шиповником, образовывали естественные кулисы, где было удобно дожидаться сво-

его выхода. Сам Шекспир (так сказал один взрослый, видевший это место) не придумал бы лучшей декорации для своей пьесы.

Разумеется, детям не разрешили давать представление ночью — в ту самую колдовскую Купальскую ночь, когда и происходят все чудеса у Шекспира; но они выбрали час после полдника, на склоне дня, когда тени растут, — и отправились на луг, захватив с собой кое-что перекусить: хрустящее печенье, крутые яйца и соль в пакетике.

Три коровы, уже подоенные, целеустремленно паслись, оглашая луг мощным чавканьем, и вдали раздавался шум работающей мельницы, похожий на шлепанье босых пяток по утоптанной дороге. Обленившаяся июльская кукушка изредка пыталась подать голос с перекладины ворот, да хлопотливый зимородок то и дело перелетал с одной стороны ручья на другую. За исключением этого, вокруг царили тишь и дрема, пахло таволгой и нагретой сухой травой.

Спектакль удался на славу! Дан замечательно помнил все свои роли: Пака, Основы и трех феечек, и Уна не сбилась ни разу — даже в том трудном месте, где она велит кормить Основу «плодами спелых фиг и абрикосов, крыжовником, клубникой, куманикой» — ну и так далее. Они были так воодушевлены, что сыграли пьесу три раза подряд — от начала до конца. Потом присели на траве в центре Ведьминого Круга на чистом от колючек месте и достали ужин; как вдруг чей-то свист раздался в прибрежном лозняке, так, что они сразу вскочили на ноги и обернулись.

Кусты раздвинулись. И вот, на том самом месте, где Дан играл Пака, они увидели маленького смуглого широкоплечего человечка с острыми ушами, вздернутым носом, косящими голубыми глазами и ухмылкой, от уха до уха расплывавшейся по его лукавой веснушчатой физиономии. Он вдруг посуровел, наморщил лоб,

как будто бы застал Буравчика, Рыло и Основу за репетицией «Тисбы и Пирама», и голосом гулким, как мычание недоеной коровы, продекламировал:

— Что за невежи этак расшумелись
Вблизи от ложа королевы фей?

Он остановился, приставил ладонь к уху и, хитро подмигнув, продолжил:

— Никак дают комедию? Ну что же!
Послушаю, — а то и сам сыграю.

Ребята смотрели на него, раскрыв рты от удивления. А человек — он был не выше Данова плеча — невозмутимо вошел внутрь Круга.

— Я нынче не совсем в форме, — сказал он. — Но роль мою нужно играть примерно так.

Все еще онемев, ребята разглядывали его всего — от темно-синей шапочки, похожей на цветок водосбора, до босых мохнатых ног.

— Ну что вы так уставились? — спросил он, рассмеявшись. — Такой уж я есть. А вы каким ожидали меня увидеть?

— Мы никого не ожидали, — вымолвил наконец Дан. — Это наше поле.

— Неужели? — удивился пришелец, усаживаясь на траву. — Так какого же лешего вы трижды подряд сыграли «Сон в летнюю ночь» в канун колдовской Купальской ночи, в середине Ведьминого Круга, да еще у подножия одного из самых старых холмов Старой Англии? Это же Холм Пака — Волшебный Холм. Вы что, и этого не знали?

И он указал на пологий, заросший папоротником склон холма на другой стороне Мельничного ручья. Дальше по склону начинался лес, а за ним виднелись холмы еще выше — вплоть до Сигнальной Горы высотой не меньше 500 футов, откуда открывался широкий

вид на равнину Пэвенси, и на Ла-Манш, и на отдаленные всхолмья Саут-Даунз.

— Клянусь Дубом, Ясенем и Терном! — весело воскликнул он. — Если бы это случилось несколько лет назад, весь Народ С Холмов слетелся бы сюда, как пчелиный рой!

— Мы не знали, что так делать не годится, — смутился Дан.

— Не годится?! — Человечка просто затрясло от смеха. — Еще как годится! Да понимаете ли вы, что все короли, рыцари и ученые в прежние времена отдали бы все свои короны, шпоры и книги, чтобы научиться тому, что вы сейчас невзначай совершили. Да помогай вам сам волшебник Мерлин, и то не вышло бы лучше. *Вы разверзли Холмы* — понимаете? Такого не случилось тысячу лет.

— Мы... мы не нарочно, — пролепетала Уна.

— Вот именно, что не нарочно! Поэтому у вас и получилось. Жаль только, что Народ С Холмов давно покинул эти места. Я единственный, кто остался. Я, Пак, старейший из старых духов Англии — к вашим услугам. Конечно, если вам угодно знаться со мной. Если же нет, достаточно слова, и я исчезну.

Он замолчал, испытующе глядя на ребят. Глаза его были теперь очень добрыми и серьезными, лишь в уголках губ таилась озорная улыбка.

— Не уходи, — сказала Уна, протягивая ему руку. — Ты нам нравишься.

— Угощайтесь, — предложил Дан и протянул Паку помятый кулек с яйцами и печеньем.

— Клянусь Дубом, Ясенем и Терном! — вскричал Пак, сдергивая с головы свою синюю шапочку. — Вы тоже мне нравитесь. А ну-ка, Дан, посоли мне это печенье, да покруче, и мы съедим его пополам, чтобы развеять все сомнения. Видишь ли, некоторые из наших

боятся соли, или подковы над дверью, или рябиновой ветки, или проточной воды, или холодного железа, или колокольного звона. Но я — другое дело, я — Пак, и этим все сказано!

Он тщательно отряхнул крошки — сперва с курточки, а потом с ладоней.

— Мы с Даном всегда думали, что если такое случится... ну, такое, — нерешительно произнесла Уна, — то уж мы никогда не растеряемся. Но теперь...

— То есть если мы встретим фею или эльфа, — пояснил Дан. — Правда, я в них никогда не верил. Разве что в детстве, когда мне еще не было шести лет.

— А я верила, — призналась Уна. — Ну, наполовину верила. Еще до того, как выучила наизусть «Прощание с феями». Знаете это стихотворение?

— Про подарки фей — ты это имеешь в виду? — уточнил Пак. Он торжественно откинул назад голову и продекламировал:

Где вы теперь, подарки фей,
Где добрые хозяйки?
Теперь живут всех веселей
Неряхи и лентяйки.

(Подхватывай, Уна!)

Что толку холить свой очаг,
О чистоте радея?
Ведь шестипенсовик в башмак
Вам не подложит фея.

Звучное эхо раскатилось над лугом.

— Еще бы мне не знать! — заключил Пак, довольный произведенным эффектом.

— Там был еще куплет о кольцах и кругах, — вспомнил Дан. — Мне всегда становилось грустно, когда доходили до этого места.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Г. Кружков. От Бэрваша до Баттла: Тропой Киплинга по Волшебным Холмам</i>	5
--	---

ПАК С ВОЛШЕБНЫХ ХОЛМОВ

МЕЧ ВИЛАНДА. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	19
Песня Пака. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	19
Деревья Англии. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	41
МОЛОДЕЖЬ В ПОМЕСТЬЕ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	43
Песня сэра Ричарда. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	63
ИСКАТЕЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЙ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	65
Песня варяжских жен. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	65
Песня Торкильда. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	89
СТАРИКИ В ПЭВЕНСИ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	90
Руны на мече Виланда. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	113
ЦЕНТУРИОН ТРИДЦАТОГО ЛЕГИОНА	
<i>Перевод Г. Кружкова</i>	114
«Городу, роду и племени...». <i>Перевод М. Бородицкой</i>	114
Песня британского римлянина (A. D. 406)	
<i>Перевод М. Бородицкой</i>	133
У АДРИАНОВА ВАЛА. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	134
Гимн Митре. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	154
КРЫЛАТЫЕ ШАПКИ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	156
Песня пиктов. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	176
ГЭЛ ЧЕРТЕЖНИК. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	178
«Если и впрямь ты пророк — честь тебе и хвала!..»	
<i>Перевод М. Бородицкой</i>	178
Песня контрабандистов. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	196

ПЕРЕПРАВА ЭЛЬФАНТОВ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	198
Песенка младшего Хобдена по прозвищу Пчелка <i>Перевод М. Бородицкой</i>	198
Песня на три стороны. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	214
ЗОЛОТО И ЗАКОН. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	215
Песня о Пятой Реке. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	215
Песня детей. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	233
<i>Г. Кружков. Междусловие переводчика</i>	235

ПОДАРКИ ФЕЙ

Предисловие Киплинга. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	241
Заклинание. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	243
ХОЛОДНОЕ ЖЕЛЕЗО. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	245
Холодное железо. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	265
ГЛОРИАНА. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	267
Два брата. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	267
Зеркало. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	287
ДИКОВИННЫЙ СЛУЧАЙ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	288
Правдивая песня. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	288
Генрих Седьмой и корабельщики <i>Перевод М. Бородицкой</i>	310
МАРКЛЕЙКСКИЕ КОЛДУНЫ. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	312
Дорога через лес. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	312
По пути в Брукленд. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	335
НОЖ И КРЕМЕНЬ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	337
Прогулка по холмам. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	337
Песня мужчин пастушьего племени <i>Перевод М. Бородицкой</i>	357
БРАТ ШИРОКАЯ НОГА. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	359
Филадельфия. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	359
Если. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	386

СВЯЩЕННИК ПОНЕВОЛЕ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	388
Колыбельная на острове Святой Елены <i>Перевод М. Бородицкой</i>	388
Песенка честных торговцев. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	419
ОБРАЩЕНИЕ СВЯТОГО УИЛФРИДА	
<i>Перевод М. Бородицкой</i>	421
Рождественская служба в Селси <i>Перевод М. Бородицкой</i>	421
Песня гребцов на красной боевой ладье <i>Перевод М. Бородицкой</i>	444
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	446
Песня астролога. <i>Перевод Т. Чернышевой</i>	446
Тайны отцов. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	467
САЙМОН-ПРОСТОФИЛЯ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	469
Сотый. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	469
Юность Фрэнки. <i>Перевод Г. Кружкова</i>	492
ДРЕВО ПРАВОСУДИЯ. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	494
Баллада о заброшенном карьере <i>Перевод М. Бородицкой</i>	494
Рождественская песнь. <i>Перевод М. Бородицкой</i>	520
Примечания. Г. Кружков	522